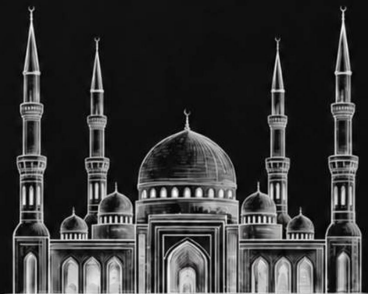

автор: ибрахим абу джаафар альбулянди

История ислама.

том 5..история исламского государства
ильханат и золотая орда

1256 по 1335 г

вплоть до наших дней
суннизм

Ибрахим Шитик

История ислама том 6

<https://litres.ru/74156792>

SelfPub; 2026

Аннотация

История ислама (вплоть до наших дней) том 6 история ильханата, тимуридов, и золотой орды при исламе

Содержание

Слово автора	8
Глава первая. Улус Джучи: рождение державы в степи	10
1. Джучи, старший сын Чингисхана	10
2. Батый и великий западный поход	11
3. Держава многих вер	12
Глава вторая. Хан Берке — первый мусульманин на троне Джучидов	13
1. Обращение будущего хана	13
2. Монголы против монголов	15
3. Берке-Сарай и первые мечети в степи	16
Глава третья. Полвека колебаний	17
1. Преемники Берке	17
2. Хан Токта и первые признаки перемен	19
Глава четвёртая. Хан Узбек: ислам становится верой державы	21
1. Приход к власти и решительный поворот	21
2. Сарай — столица ислама в степи	23
3. Союз с Мамлюками против Ильханов	24
Глава двадцатая. Война Берке против Хулагу: степь против Персии	25
1. Единоверец против единокровника	25
2. Военные действия на Кавказе	27

3. Урок для нашего повествования	28
Глава пятая. Учёность и торговля в степи Дешт-и-Кипчака	29
1. Медресе и учёные Орды	29
2. Волжская Булгария — исламский очаг до монголов	31
3. Ибн Баттута в степи	33
Глава двадцать первая. Булгар: камень, переживший державу	34
1. Древний город на новом витке истории	34
2. Крым — южный очаг ордынского ислама	36
Глава шестая. Великая замятня и закат единой Орды	37
1. Смута после Джанибека	37
2. Мамай — правитель без права на трон	38
3. Тохтамыш восстанавливает единство	39
Глава двадцать девятая. Орда и русские княжества: дань, ярлыки и церковь	40
1. Система данничества	40
2. Веротерпимость к православной церкви	42
3. Возвышение Москвы под ордынским покровительством	43
Глава седьмая. Осколки степной державы: рождение ханств	44
1. От единой Орды к отдельным ханствам	44
2. Крым, Астрахань и Сибирь	45

3. Живое наследие степного ислама	46
Глава девятнадцатая. Падение Ани: сельджуки и Армянское царство	47
1. Армянское царство на рубеже двух миров	47
2. Осада и падение Ани (1064)	49
3. Честная оценка произошедшего	50
Глава тридцать пятая. Грузинское царство под властью Ильханов	52
1. Вассалитет вместо завоевания	52
2. Различие в судьбе двух христианских народов Кавказа	54
3. Позднейшая судьба Грузии	56
Глава сорок четвёртая. До ислама: несторианские корни ханского рода	57
1. Сорхатани-беки — христианская мать четырёх ханов	57
2. Христианское воспитание завоевателя Багдада	59
3. Путь от несторианства к исламу	60
Глава восьмая. Газан-хан: подробности великого обращения	61
1. Путь к минбару	61
2. Разрушение и восстановление храмов	63
3. Реформы во благо подданных	64
Глава сорок пятая. Бар Эбрей: христианский летописец монгольской Персии	65

1. Сирийский полимат при дворе Ильханов	65
2. Ценность независимого свидетельства	67
3. Урок многоголосой истории	69
Глава девятая. Ульджайту: колебания между толками	70
1. Брат и преемник Газан-хана	70
2. Обращение в шиизм	72
3. Султания — усыпальница шиитского хана	73
Глава тридцать вторая. Мир 1323 года: конец полувековой войны	75
1. От войны к переговорам	75
2. Символическое значение примирения	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Ибрахим Шитик

История ислама том 6

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ

ИСТОРИЯ ИСЛАМА

ТОМ ШЕСТОЙ

Ислам в степи: Золотая Орда, Ильханат и держава Тимуридов

Составил раб Аллаха

Ибрахим Абу Джаафар аль-Буланди

да простит его Аллах и его родителей

Слово автора

Хвала Аллаху, Господу миров, Который возносит одни народы и низводит другие по Своей мудрости, и мир и благословение Пророку Мухаммаду, печати пророков, его роду и его сподвижникам.

Дорогой брат, дорогая сестра по вере. В предыдущих томах этого труда мы рассказали историю Аббасидского халифата вплоть до его трагического падения перед войском Хулагу-хана в 1258 году, а затем — историю державы турок-сельджуков. Мы уже упоминали в этих томах, как поразительным образом сами потомки завоевателей — Хулагуиды, основавшие в Иране и Ираке державу Ильханов, — спустя всего два-три поколения приняли ислам и стали его искренними покровителями.

Настоящий, шестой том посвящён продолжению этой удивительной истории — тому, как ислам утвердился не только среди Ильханов Персии, но и среди куда более обширной и куда более степной ветви наследия Чингисхана — Золотой Орды, простиравшейся от низовий Волги и Причерноморья до Западной Сибири. Мы расскажем, как хан Берке первым из потомков Джучи принял ислам ещё в середине тринадцатого века, как век спустя хан Узбек сделал ислам государственной религией всей Орды, и как обширные степи Дешт-и-Кипчака стали неотъемлемой частью исламского

мира, каким они, во многом, остаются и по сей день через народы, унаследовавшие эту веру, — татар, башкир, ногайцев и многих других.

Вторая половина этого тома посвящена державе, чьё возникновение потрясло весь исламский Восток не меньше, чем в своё время нашествие Чингисхана, — империи Тимура (Тамерлана) и его потомков Тимуридов. Мы расскажем как о суровых завоеваниях самого Тимура, так и о поразительном культурном расцвете, который его потомки — в первую очередь Шахрух и Улугбек — принесли Самарканду и Герату, сделав их одними из ярчайших центров исламской науки и искусства своего времени.

Я постараюсь, как и прежде, писать эту книгу честно — не скрывая грехов и жестокостей завоевателей, но и не преуменьшая их подлинных заслуг там, где они были, называя, где это исторически верно, каждую группу и династию точным именем, а не огульным ярлыком. Прошу Аллаха, чтобы этот труд был искренним ради Его лика и полезным для тебя, читающий эти строки. А теперь — начнём, с именем Аллаха.

Глава первая. Улус Джучи: рождение державы в степи

1. Джучи, старший сын Чингисхана

Чтобы понять, как ислам утвердился в далёких причерноморских и поволжских степях, необходимо, брат мой, вернуться к самым истокам этой державы — к разделу владений Чингисхана между его сыновьями. Старшему сыну, Джучи, чьё происхождение, по преданию, вызывало определённые сомнения у самого Чингисхана и его окружения (Джучи родился вскоре после того, как его мать Бортэ была освобождена из плена у враждебного племени меркитов), достался в удел самый западный улус — земли от верховий Иртыша до тех пределов, «куда ступит копыто монгольского коня» на западе, то есть, по сути, право на завоевание и владение всеми землями Восточной Европы и западной части Великой степи, ещё не покорёнными на момент раздела.

Джучи скончался прежде своего отца, около 1227 года, и его удел перешёл к его сыновьям, из которых наиболее прославился Бату (Батый), возглавивший то грандиозное завоевательное предприятие, что войдёт в историю как Западный поход монголов.

2. Батый и великий западный поход

В 1236–1242 годах Бату-хан во главе огромного войска, в которое входили не только собственно монгольские тумыны, но и покорённые ранее тюркские племена, обрушился на земли Волжской Булгарии, на русские княжества, а затем и на Польшу и Венгрию, дойдя до самых границ Священной Римской империи, прежде чем повернуть назад — как мы уже упоминали в четвёртом томе этого труда — после известия о смерти великого кагана Угэдэя и последовавшей борьбы за престол среди наследников Чингисхана.

По возвращении из этого похода Бату-хан обосновался в низовьях Волги, основав там столицу своего улуса — город Сарай (Сарай-Бату), и на десятилетия закрепил над русскими княжествами ту форму зависимости, что войдёт в историю под именем ордынского ига — #тема, при которой русские князья были обязаны получать от ханов ярлык на княжение и выплачивать дань, но при этом сохраняли значительную внутреннюю автономию и, что немаловажно для дальнейшего нашего рассказа, свободу вероисповедания.

3. Держава многих вер

Улус Джучи, получивший впоследствии на Руси название Золотая Орда, в первые десятилетия своего существования оставался, подобно самой ранней монгольской империи в целом, о которой мы рассказали в четвёртом томе, державой веротерпимой и религиозно смешанной: сам Бату-хан и большинство его ближайшего окружения придерживались традиционных тенгрианских верований степи, при дворе присутствовали и буддийские, и несторианско-христианские, и мусульманские советники, а населявшие подвластные Орде земли волжские болгары, принявшие ислам ещё в начале десятого века, задолго до самого монгольского нашествия, продолжали исповедовать свою веру без серьёзных препятствий.

Именно эта веротерпимая почва, брат мой, — многочисленное мусульманское население Волжской Булгарии и оживлённые торговые связи Орды с исламскими землями Средней Азии и Ирана — подготовила то, что произойдёт уже при следующих поколениях ханов из рода Джучи: постепенное, а затем всё более решительное обращение самой правящей верхушки Орды в ислам, о чём мы расскажем в следующей главе.

Глава вторая. Хан Берке — первый мусульманин на троне Джучидов

1. Обращение будущего хана

Брат и преемник Бату, хан Берке, вошёл в историю как первый из потомков Джучи, принявший ислам, — событие, произошедшее, по различным сведениям, ещё до его восшествия на ханский престол в 1257 году, под влиянием мусульманских купцов и проповедников из Хорезма, с которыми Берке имел тесные связи. Приняв ислам, Берке, в отличие от многих последующих правителей-неофитов, отнёсся к своей новой вере с большой серьёзностью — по преданию, он совершал регулярную молитву, соблюдал пост Рамадана и покровительствовал мусульманским учёным и проповедникам, приглашая их из Бухары и других центров исламской учёности Средней Азии в свою степную столицу.

Обращение Берке имело далеко идущие политические последствия, ставшие, брат мой, одним из самых поразительных парадоксов той эпохи: когда в 1262 году между Берке и его двоюродным племянником Хулагу-ханом, тем самым разрушителем Багдада, о котором мы подробно рассказали в четвёртом томе, вспыхнула война за контроль над Кавказом

и Азербайджаном, хан Берке, как сообщают хронисты, открыто осудил Хулагу за разрушение Багдада и убийство халифа аль-Мустасима — потомка Аббаса, — назвав это преступлением против всей уммы, и даже, по некоторым сведениям, вступил в союзные сношения с мамлюкским султаном Бейбарсом Египта, тем самым победителем монголов при Айн-Джалуте, о котором мы также рассказали в четвёртом томе.

2. Монголы против монголов

Этот эпизод, брат мой, заслуживает того, чтобы на нём остановиться особо: два потомка одного и того же Чингисхана, два монгольских правителя, воюют друг против друга именно потому, что один из них, приняв ислам, счёл преступлением против уммы деяния другого, оставшегося язычником, — притом что оба они принадлежали к одному роду и ещё недавно действовали как единая держава. Мы видим здесь, возможно, самое яркое подтверждение того тезиса, что мы уже не раз высказывали на страницах этого труда: принятие ислама способно изменить самосознание и политическую лояльность человека глубже, чем узы крови и племени.

Союз Берке с мамлюками Египта — двумя мусульманскими державами, разделёнными тысячами километров степей, гор и морей, — представляет собой одну из первых и наиболее ярких иллюстраций того, как принадлежность к умме способна связывать между собой народы и государства поверх политических и географических границ, поверх даже недавнего родства по крови, если это родство разделено верой.

3. Берке-Сарай и первые мечети в степи

При хане Берке в новой столице, получившей впоследствии имя Сарай-Берке (в отличие от прежней ставки его брата, Сарай-Бату), были построены первые known нам мечети собственно ордынской чеканки, а численность мусульманского населения среди тюркской знати Орды, тесно связанной родством и торговлей с землями Хорезма и Волжской Булгарии, продолжала расти. Тем не менее, брат мой, необходимо честно сказать: обращение самого хана Берке не сделало ислам государственной религией всей Орды — большинство монгольской и тюркской знати, а также его непосредственные преемники, вернулись к прежней веротерпимой, преимущественно нетронутой исламом традиции, и лишь спустя полвека, при хане Узбеке, о котором мы расскажем в следующей главе, ислам окончательно и бесповоротно утвердился как вера всего правящего дома и большинства населения Золотой Орды.

Глава третья. Полвека колебаний

1. Преемники Берке

После смерти хана Берке в 1266 году трон Золотой Орды перешёл к его племяннику Мунке-Тимуру, а затем к целому ряду ханов, большинство из которых, брат мой, не последовали примеру Берке в его личном благочестии и вернулись к прежней веротерпимой, преимущественно нейтральной по отношению к исламу политике их деда Бату. В течение почти полувека, с 1266 по 1313 год, ислам оставался верой значительной, но не преобладающей части населения Орды, а сами ханы нередко продолжали придерживаться традиционных тенгрианских обрядов или проявляли благосклонность то к буддийским, то к христианским (несторианским и даже католическим) миссионерам, посещавшим ставку хана в поисках союза против общих мусульманских и иных противников.

Известный путешественник Марко Поло, а также посланники папского престола, искавшие в этот период союза с монголами против мамлюков Египта, оставили описания ханской ставки как места, где представители самых разных религий свободно уживались и соперничали за благосклонность правителя, — картина, которая, брат мой, спустя всего

одно поколение решительно переменится.

2. Хан Токта и первые признаки перемен

При хане Токте, правившем с 1291 по 1312 год, влияние ислама среди тюркской знати Орды продолжало исподволь расти, во многом благодаря непрерывным торговым и культурным связям с мусульманскими центрами Средней Азии и Хорезма, а также благодаря значительному числу мусульман-кипчаков (половцев), составлявших основную массу тюркоязычного населения самой степи, издавна попадавшего под влияние ислама через соседние Хорезм и Волжскую Булгарию задолго до появления самих монголов.

Мы должны, брат мой, отметить важную закономерность, которую стоит держать в уме на протяжении всего этого рассказа: сами монголы, пришедшие завоевателями в эти степи, составляли лишь незначительное меньшинство населения Улуса Джучи — подавляющее большинство подданных хана составляли тюркоязычные кипчаки, огромная масса кочевого и оседлого населения, среди которого ислам уже давно пустил корни. Со временем сами монгольские завоеватели растворились в этой куда более многочисленной тюркской среде, переняв её язык и постепенно — её веру, так что уже к середине четырнадцатого века само различие между «монголами» и «татарами» (как называли на Руси население Орды) в значительной степени стёрлось, а население Ор-

ды стало преимущественно тюркоязычным и, как мы увидим далее, преимущественно мусульманским.

Глава четвёртая. Хан Узбек: ислам становится верой державы

1. Приход к власти и решительный поворот

Переломный момент в религиозной истории Золотой Орды наступил в 1313 году, когда на трон взошёл хан Узбек (Гияс ад-Дин Мухаммад Узбек-хан), правнук хана Менгу-Тимура. В отличие от своих предшественников, колебавшихся между разными верами на протяжении полувека, о чём мы уже рассказали, Узбек-хан принял ислам решительно и бесповоротно, причём, по свидетельству арабских хронистов, в частности Ибн Баттуты, лично посетившего его ставку, сделал это под влиянием суфийского шейха Ибн Абд аль-Хамида, убедившего молодого хана в истинности ислама ещё до его восшествия на трон.

Узбек-хан, утвердившись у власти, не ограничился личным исповеданием ислама, но объявил его официальной государственной религией всей Золотой Орды — шаг куда более решительный, чем сделал в своё время хан Берке, ограничившийся личным примером. Те представители монгольской и тюркской знати, что противились этому решению и

настаивали на сохранении прежних тенгрианских обычаев, были, по свидетельству ряда источников, отстранены от власти, а некоторые — согласно наиболее суровым версиям этого предания — казнены за упорное неповиновение ханской воле.

2. Сарай — столица ислама в степи

При Узбек-хане столица Орды, город Сарай на Нижней Волге (позднее известный как Сарай аль-Джадид, «Новый Сарай»), превратилась в один из крупнейших городов мусульманского мира своего времени — по свидетельству арабского путешественника Ибн Баттуты, посетившего город в 1330-х годах, население Сарая достигало нескольких сот тысяч человек, а в самом городе действовало множество мечетей, медресе и караван-сараев, обслуживавших оживлённую торговлю, проходившую через степь по Великому шёлковому пути между Китаем, Средней Азией и генуэзскими и венецианскими торговыми факториями Причерноморья.

Ибн Баттута, чьи записки остаются одним из ценнейших источников по истории Орды этой эпохи, с восхищением описывал порядок и справедливость, царившие в державе Узбек-хана, отмечая, в частности, безопасность торговых путей и строгое соблюдение мусульманских предписаний при ханском дворе, включая пятикратную молитву и соблюдение поста в Рамадан самим ханом и его приближёнными.

3. Союз с Мамлюками против Ильханов

Показательно, брат мой, что принятие ислама Узбек-ханом не привело к союзу Золотой Орды с соседней мусульманской державой Ильханов Персии — напротив, между двумя мусульманскими монгольскими государствами продолжалось острое политическое и военное соперничество за контроль над Кавказом и Азербайджаном, унаследованное ещё от прежних, домусульманских времён. Узбек-хан, вместо союза с единоверными Ильханами, заключил прочный дипломатический и торговый союз с мамлюкским Египтом — давним противником самих Ильханов, — скрепив этот союз, помимо прочего, династическим браком: сестра или родственница хана была выдана замуж за мамлюкского султана ан-Насира Мухаммада.

Этот эпизод, брат мой, служит нам поучительным напоминанием — уже не первым на страницах этого труда, — что общность веры сама по себе не отменяет политического соперничества между мусульманскими державами за территорию, ресурсы и влияние: Золотая Орда и Ильханат, оба искренне мусульманские к этому времени, тем не менее продолжали видеть друг в друге прежде всего геополитических противников, а не братьев по вере, с которыми следовало бы объединиться против общих внешних угроз.

Глава двадцатая. Война Берке против Хулагу: степь против Персии

1. Единоверец против единокровника

Мы уже рассказали в предыдущих главах этого тома о принятии ислама ханом Берке, но стоит подробнее остановиться на военном конфликте, вспыхнувшем между ним и его двоюродным братом Хулагу-ханом, основателем персидского Ильханата и разрушителем Багдада, о котором мы подробно рассказали в четвёртом томе этого труда. Этот конфликт, начавшийся вскоре после падения Багдада в 1258 году и продолжавшийся с перерывами до самой смерти Берке в 1266 году, примечателен тем, что впервые в истории монгольской державы столкнулись между собой две ветви одного правящего рода — причём одна из них, ветвь Джучидов во главе с Берке, уже приняла ислам, тогда как другая, ветвь Хулагуидов, в это время ещё оставалась привержена прежним языческим верованиям.

По свидетельству мамлюкского египетского хрониста Ибн Абд аз-Захира, хан Берке, узнав о разрушении Багдада и казни последнего аббасидского халифа аль-Мустасима, о чём

мы рассказали в четвёртом томе, выразил глубокое возмущение действиями своего родственника Хулагу, назвав его поступок недопустимым надругательством над священным для всей уммы саном халифа, — хотя, брат мой, следует честно признать, что подлинными причинами последовавшей войны были, вероятно, в неменьшей степени и территориальные притязания на богатый Азербайджан и Кавказ, давно являвшиеся предметом спора между Джучидами и Хулагуидами, а религиозное возмущение служило удобным и убедительным поводом, облакавшим эти притязания в благородную оболочку защиты веры.

2. Военные действия на Кавказе

Военные действия между двумя монгольскими державами велись преимущественно в районе Дербента и на Тереке, причём в 1262 году войска Берке нанесли Хулагу серьёзное поражение, вынудив того отступить за Куру. Примечательно, что хан Берке в ходе этого конфликта установил тесные дипломатические и союзные отношения с мамлюкским Египтом — тем самым султанатом, что несколькими годами ранее одержал знаменитую победу над Хулагуидами при Айн-Джалуте, о которой мы также подробно рассказали в четвёртом томе.

Переписка между ханом Берке и мамлюкским султаном Бейбарсом, сохранившаяся в арабских источниках, свидетельствует о том, что оба правителя ясно осознавали значение своего союза как объединения двух мусульманских держав против общего противника — пусть и приходившегося одному из них родным двоюродным братом по крови. Этот союз позволял мамлюкам чувствовать себя увереннее перед лицом Ильханата, вынужденного теперь держать значительные силы на своей северной границе против Джучидов, вместо того чтобы сосредоточить всю мощь на войне с Египтом.

3. Урок для нашего повествования

Мы вновь, брат мой, видим на этом примере знакомый нам горький, но неизменный узор: принятие ислама одной из ветвей чингизидского рода не отменило военного соперничества с другой его ветвью, остававшейся на тот момент языческой, — притязания на землю и власть оказались сильнее уз родства и, как показал этот же случай применительно к куда более позднему противостоянию между уже обоюдно мусульманскими Золотой Ордой и Ильханатом при их преемниках, сильнее и уз общей веры. Данный эпизод лишь усиливает тот вывод, к которому мы уже приходили на страницах предыдущих томов: подлинное братство уммы требует не только формального единства вероисповедания, но и искреннего отказа правителей от того самого честолюбия и территориальной жадности, что раз за разом ввергали мусульманские державы в братоубийственные войны друг против друга.

Глава пятая. Учёность и торговля в степи Дешт-и-Кипчака

1. Медресе и учёные Орды

При хане Узбеке и его преемниках — сыне Тинибекке, а затем более известном хане Джанибекке, правившем с 1342 по 1357 год, — исламская учёность в Золотой Орде продолжала укрепляться. В Сарае и других крупных городах Орды — Булгаре на Волге, Крыму (Солхате), Азаке (нынешнем Азове) — действовали медресе, где преподавались ханафитский фикх (мазхаб, преобладавший среди тюркских народов Орды, как мы уже упоминали в предыдущем томе применительно к его распространению у тюркских династий), арабская грамматика и коранические науки.

Хан Джанибек, известный современникам как один из самых благочестивых правителей Орды, покровительствовал учёным и суфийским шейхам и, по свидетельству ряда источников, лично финансировал строительство мечетей не только в собственных владениях, но и в далёкой Мекке — жест, свидетельствующий о том, сколь прочно к середине четырнадцатого века правящий дом Джучидов ощущал себя частью единой уммы, простирающей заботу вплоть до свя-

ценных городов Хиджаза.

2. Волжская Булгария — исламский очаг до монголов

Стоит напомнить, брат мой, что ислам пришёл в земли будущей Золотой Орды задолго до самих монголов и задолго до ханов Берке и Узбека: волжские булгары, тюркоязычный народ, обосновавшийся в среднем течении Волги, приняли ислам ещё в 922 году, при эмире Алмуше, направившем посольство к аббасидскому халифу аль-Муктадиру с просьбой прислать учёных и строителей мечетей, — и это посольство, описанное в знаменитых путевых записках багдадского посланника Ахмада ибн Фадлана, стало одним из первых прямых письменных свидетельств об исламе на территории будущей России.

Когда монголы завоевали Волжскую Булгарию в 1236 году в ходе похода Бату-хана на запад, местное булгарское мусульманское население не исчезло, а составило важную часть той тюркской среды, что впоследствии способствовала исламизации самих завоевателей-монголов, о чём мы уже говорили в предыдущей главе применительно к общему процессу растворения монгольского меньшинства в тюркском большинстве Орды. Потомки волжских булгар и составили впоследствии значительную часть татарского населения Поволжья, чья мусульманская идентичность восходит, таким образом, к событиям более чем на три века древнее самого хана

Узбека.

3. Ибн Баттута в степи

Мы уже упомянули великого путешественника Ибн Баттуту, посетившего ставку Узбек-хана, но стоит рассказать о его путешествии по Орде подробнее, ибо его записки остаются бесценным источником по этой эпохе. Марокканский путешественник, обошедший за свою жизнь практически весь известный тогда мусульманский мир — от Испании до Китая, — прибыл в Сарай в 1334 году и оставил подробное описание ханского двора, его церемониала, размеров ханского шатра и порядка приёма иностранных гостей.

Ибн Баттута также сопровождал одну из жён Узбек-хана, византийскую принцессу Баялун, в её путешествии в Константинополь для родов у своих родителей — эпизод, ярко иллюстрирующий тесные династические и дипломатические связи, которые Золотая Орда, невзирая на официальное принятие ислама, продолжала поддерживать с христианской Византией, генуэзскими и венецианскими колониями Причерноморья и другими немусульманскими державами того времени. Принятие ислама, брат мой, как мы видим на этом примере, не означало для ханов Орды разрыва прагматичных дипломатических связей с остальным миром — веротерпимая прагматичность прежних, домусульманских времён Орды в значительной мере сохранялась и после исламизации, пусть уже и в новых, мусульманских по духу формах.

Глава двадцать первая. Булгар: камень, переживший державу

1. Древний город на новом витке истории

Мы уже упомянули город Булгар как древнюю столицу Волжской Булгарии, принявшей ислам ещё в 922 году, задолго до появления самих монголов. При Золотой Орде, невзирая на разрушения, причинённые походом Бату-хана в 1236 году, Булгар был отстроен заново и превратился в один из важнейших религиозных и торговых центров северной части державы, сохранив своё значение как место паломничества и почитания, связанное с памятью о самом первом обращении здешних тюркских народов в ислам.

До наших дней в Булгаре сохранились архитектурные памятники ордынской эпохи — Соборная мечеть с примыкающим к ней Малым минаретом, Северный и Восточный мавзолеи, Ханская усыпальница, — представляющие собой редкие подлинные образцы мусульманской архитектуры Золотой Орды, дошедшие до наших дней в относительно неплохой сохранности и внесённые в наши дни в список Всемирного наследия ЮНЕСКО именно как свидетельство волж-

ско-българской и золотоординской исламской цивилизации.

2. Крым — южный очаг ордынского ислама

Другим важным центром исламской культуры в западной части Орды являлся Крымский полуостров, где уже в ордынскую эпоху начал складываться тот архитектурный и культурный облик, что впоследствии унаследует и приумножит независимое Крымское ханство династии Гераев, о котором мы уже упомянули в главе о распаде Орды. Город Солхат (Старый Крым), служивший в ордынскую эпоху административным центром полуострова, сохранил до наших дней остатки медресе, построенного ещё в 1332–1333 годах, — одно из древнейших сохранившихся учебных заведений исламского образования на территории современной России.

Мы приводим эти архитектурные свидетельства, брат мой, не ради одной лишь исторической любознательности, но чтобы показать: ислам Золотой Орды, при всей кажущейся отдалённости и экзотичности этой степной державы для читателя, воспитанного преимущественно на истории арабского и персидского Востока, оставил после себя вполне зримое, дошедшее до наших дней материальное наследие, ничуть не менее подлинное и достойное внимания, чем памятники Багдада, Дамаска или Самарканда, о которых мы рассказывали на предыдущих страницах этого труда.

Глава шестая. Великая замятня и закат единой Орды

1. Смута после Джанибека

После смерти хана Джанибека в 1357 году Золотую Орду постигло тяжёлое испытание, вошедшее в русские летописи под названием «Великая замятня», — период почти непрерывной междоусобной борьбы за ханский престол, продолжавшийся более двух десятилетий и приведший к тому, что за это время на троне сменилось более двадцати ханов, многие из которых правили считанные месяцы, прежде чем были свергнуты и убиты очередным соперником.

Мы вновь, брат мой, видим здесь тот же самый горький узор, что уже не раз повторялся на страницах этого труда применительно к Аббасидам и сельджукам: единая, могущественная держава, достигшая пика своего расцвета при благочестивых ханах Узбеке и Джанибеке, оказалась ввергнута в раздор между их собственными потомками и претендентами из боковых ветвей рода Джучи, — раздор, ослабивший державу куда сильнее, чем это когда-либо удавалось внешним врагам.

2. Мамай — правитель без права на трон

В разгар этой смуты значительное влияние в западной части Орды приобрёл темник (военачальник) Мамай, не принадлежавший, в отличие от законных ханов, к роду Чингисхана и потому вынужденный на протяжении почти двадцати лет управлять от имени сменявших друг друга марионеточных ханов-чингизидов, не имея возможности сам принять ханский титул. Мамай потерпел в 1380 году серьёзное поражение от объединённого русского войска на Куликовом поле — событие, широко известное по русским летописям, но не следует, брат мой, преувеличивать его значение для истории самой Орды в целом: Мамай к этому времени был не более чем одним из нескольких соперничающих претендентов на власть в западной части раздробленной державы, а не полноправным ханом всей Золотой Орды.

3. Тохтамыш восстанавливает единство

Подлинное, хотя и временное, восстановление единства Орды связано с именем хана Тохтамыша, потомка законной чингизидской линии, который при поддержке среднеазиатского завоевателя Тимура, о котором мы подробно расскажем в последующих главах этого тома, сумел разгромить Мамаю и объединить под своей властью как западную, так и восточную части Орды к 1381 году. Тохтамыш в 1382 году предпринял поход на Москву, взяв и разграбив город в отместку за победу московского князя Дмитрия Донского над Мамаем двумя годами ранее, — восстановив тем самым, хотя бы на время, признание московскими князьями верховной власти ордынского хана и выплату им дани.

Однако, брат мой, вскоре обострились отношения между самим Тохтамышем и его прежним покровителем Тимуром — конфликт, приведший к разрушительным войнам между двумя мусульманскими державами, о которых мы расскажем подробнее в главе, посвящённой самому Тимуру, и которые в конечном счёте нанесут Золотой Орде удар, от которого она уже никогда не оправится в прежнем единстве и могуществе.

Глава двадцать девятая.

Орда и русские княжества: дань, ярлыки и церковь

1. Система данничества

Стоит рассказать подробнее, брат мой, о том, как устроились отношения между мусульманской Золотой Ордой и покорёнными ею православными русскими княжествами, ибо эта система просуществовала более двух столетий и оставила глубокий след в истории обоих народов. После завоевательного похода Бату-хана в 1237–1240 годах русские княжества были обложены данью (выходом), а русские князья были обязаны получать в ханской ставке особый ярлык — грамоту, подтверждающую их право княжить в своих собственных, формально сохраняемых за ними владениях.

Эта система, брат мой, представляла собой типичный для монгольской имперской практики способ управления покорёнными землями через местных правителей, сохранявших значительную внутреннюю автономию в обмен на признание верховной власти хана и исправную уплату дани, — модель, которую мы уже встречали на страницах этого труда применительно к отношениям между халифом и султаном в Абба-

сидскую и сельджукскую эпохи, хотя, разумеется, в куда более прямой и жёсткой форме зависимости, нежели формальное духовное главенство халифа.

2. Веротерпимость к православной церкви

Примечательно, что даже после принятия ислама ханами Золотой Орды, о котором мы подробно рассказали в предыдущих главах, ордынская политика по отношению к русской православной церкви оставалась в целом веротерпимой и покровительственной: церковные земли и духовенство были освобождены от уплаты дани особыми ханскими ярлыками, часть из которых, включая уже упомянутую грамоту ханши Тайдулы, дошла до наших дней и хранится в российских архивах.

Подобная веротерпимость объяснялась не столько религиозным безразличием ханов, сколько прагматичным пониманием того, что лояльность духовенства покорённого населения — важный залог стабильности власти над обширными и отдалёнными землями, а излишнее давление на веру подданных могло спровоцировать восстания, куда более опасные для державы, нежели формальная веротерпимость. Мы уже наблюдали схожую прагматичную политику применительно к отношениям Золотой Орды с генуэзскими и венецианскими христианскими торговыми факториями Крыма, о которых рассказали в одной из предыдущих глав.

3. Возвышение Москвы под ордынским покровительством

Показательно, брат мой, что именно ордынское покровительство сыграло важную роль в постепенном возвышении Московского княжества над его соперниками: московские князья, начиная с Ивана Калиты в первой половине четырнадцатого века, сумели заручиться особым доверием ханов, получив, среди прочего, право самостоятельного сбора дани со всех прочих русских земель для последующей передачи в ханскую казну, — привилегия, значительно укрепившая финансовое и политическое положение самой Москвы среди прочих русских княжеств и заложившая, по мнению многих современных историков, основы её последующего возвышения как центра объединения всей Руси.

Лишь к концу пятнадцатого века, уже после того как единая Золотая Орда, как мы рассказали в соответствующей главе, распалась на отдельные ханства, московский великий князь Иван III окончательно прекратил выплату дани, что традиционно связывается в русской историографии с событием 1480 года, известным как «стояние на реке Угре», — событие, ознаменовавшее окончательное освобождение русских земель от более чем двухвекового ордынского данничества и совпавшее по времени с уже описанным нами общим упадком некогда единой мусульманской степной державы.

Глава седьмая. Осколки степной державы: рождение ханств

1. От единой Орды к отдельным ханствам

После разрушительных войн с Тимуром, ослабивших Орду настолько, что сам Тохтамыш был вскоре свергнут собственными соперниками, единая держава, простиравшаяся некогда от Волги до Иртыша, начала на протяжении пятнадцатого века распадаться на несколько отдельных, полностью независимых мусульманских ханств, каждое из которых унаследовало свою долю политической и религиозной традиции Джучидов.

Казанское ханство, возникшее на землях бывшей Волжской Булгарии в 1438 году под властью хана Улу-Мухаммеда, стало прямым наследником той древней мусульманской традиции региона, что восходила, как мы уже рассказали, ещё к обращению болгарского эмира Алмуша в 922 году, — Казань унаследовала как саму веру, так и значительную часть городской и торговой культуры Орды, оставаясь важным центром исламской учёности Поволжья вплоть до её присоединения к Московскому царству в 1552 году.

2. Крым, Астрахань и Сибирь

Крымское ханство, образовавшееся под властью династии Гераев в 1441 году, оказалось наиболее долговечным из осколков Орды, просуществовав вплоть до присоединения Крыма к Российской империи в 1783 году, и на протяжении большей части этого срока признавало верховный сюзеренитет Османской империи, тесно связав свою судьбу с общей историей суннитского ислама Черноморского региона. Астраханское ханство, возникшее в низовьях Волги на месте прежней ордынской столицы, просуществовало куда более короткий срок, до присоединения к Москве в 1556 году.

Сибирское ханство, образовавшееся в Западной Сибири под властью потомков Джучидов, оставалось наиболее отдалённым и наименее изученным из осколков Орды, но также сохраняло исламскую традицию среди своей тюркской знати вплоть до похода Ермака и последующего присоединения этих земель к Московскому государству в конце шестнадцатого века. Ногайская Орда, наконец, представляла собой скорее кочевое племенное объединение, чем оформленное ханство в строгом смысле, но также унаследовала мусульманскую традицию Золотой Орды и её тюрко-кипчакское культурное наследие.

3. Живое наследие степного ислама

Мы должны, брат мой, завершить этот рассказ о Золотой Орде тем же выводом, к которому мы уже приходили применительно к другим державам на страницах этого труда: политическое единство Орды было разрушено расколом и раздором среди потомков одного рода, — но сама вера, утверждённая трудами ханов Берке, Узбека и Джанибека, не исчезла вместе с этим политическим распадом. Татары Поволжья, Крыма и Сибири, а также многие другие тюркские народы бывших ордынских земель сохранили ислам как основу своей культурной идентичности вплоть до наших дней, невзирая на последующие века жизни в составе немусульманских государств, — живое свидетельство того, сколь глубоко и прочно вера успела укорениться в этих степных землях за то относительно недолгое время, что здесь правила единая мусульманская Золотая Орда.

Глава девятнадцатая.

Падение Ани: сельджуки и Армянское царство

1. Армянское царство на рубеже двух миров

Прежде чем рассказать о военном столкновении между турками-сельджуками и Арменией, необходимо, брат мой, честно обрисовать положение самого Армянского царства к середине одиннадцатого века. Багратидская Армения со столицей в городе Ани — «городе тысячи и одной церкви», как его называли современники за обилие храмов и монастырей, — являлась древним христианским царством (Армянская Апостольская церковь, одна из старейших христианских традиций в мире, оформившаяся ещё в начале четвёртого века), располагавшимся на пограничье между Византийской империей и исламским миром и на протяжении веков испытывавшим давление то одной, то другой из этих великих сил.

К 1045 году, ещё до появления самих сельджуков в этом регионе, Армянское Багратидское царство было упразднено Византией, аннексировавшей его земли и низложившей по-

следнего армянского царя Гагика II, — то есть уже за два десятилетия до сельджукского завоевания армянская государственность как таковая была ослаблена и во многом подчинена византийской власти, что существенно облегчило последующее сельджукское наступление на эти земли, оставшиеся без собственной царской армии.

2. Осада и падение Ани (1064)

В 1064 году султан Алп-Арслан, о котором мы подробно рассказали в предыдущем томе применительно к его последующей победе при Манцикерте, предпринял поход на Закавказье и осадил город Ани, находившийся к этому времени под византийским управлением. Согласно арабским хронистам, в частности Ибн аль-Асиру, чей труд мы уже неоднократно использовали как источник на страницах этого цикла, город был взят штурмом после упорного сопротивления, и последовавшее взятие города сопровождалось масштабными жертвами среди мирного населения.

Современник этих событий, армянский хронист Аристаркес Ластивертци, лично переживший эту эпоху сельджукских нашествий на Армению, оставил скорбное описание падения Ани — свидетельство, которое честный историк не вправе игнорировать наряду с арабскими источниками, хотя бы оно и не было мусульманским по происхождению: по его словам, город был взят с большим кровопролитием, множество жителей погибло, а многие церкви подверглись разрушению или разграблению. Арабские источники со своей стороны также не скрывают масштаба произошедшего, сообщая о больших потерях среди защитников и населения города.

3. Честная оценка произошедшего

Мы обязаны, брат мой, дать этому событию прямую и честную нравственную оценку, не оправдывая его никакими предлогами, — так же, как мы поступали применительно к разграблению Дели Тимуром и другим подобным трагедиям на страницах этого труда. Армяне не были ни вероотступниками, ни врагами ислама в каком-либо религиозном смысле — они были древним христианским народом (ахль аль-китаб, «люди Писания», как их определяет сам Коран), чьё царство оказалось на пути сельджукской экспансии в силу военно-политических, а не религиозных обстоятельств: Ани был взят прежде всего как византийское пограничное укрепление, а не как оплот некоей враждебной ереси.

Массовое избиение мирных жителей взятого города, засвидетельствованное как армянскими, так и арабо-мусульманскими источниками, не может быть оправдано нормами самого шариата, требующего защиты жизни мирного немусульманского населения (ахль аз-зимма) даже в ходе военных действий, — тех самых норм, о которых мы уже говорили на страницах предыдущих томов применительно к другим подобным трагедиям в истории мусульманских завоеваний. История уммы, брат мой, как мы неоднократно повторяли на страницах этого труда, не должна замалчивать грехи и жестокости, совершённые от имени ислама, сколь бы слав-

ной ни была держава, от лица которой они творились.

Последующее армянское население региона либо подверглось исламизации и тюркизации на протяжении последующих веков, либо мигрировало на юг, в Киликию, где, как мы уже упоминали в четвёртом томе этого труда, возникло новое Киликийское Армянское царство, просуществовавшее до четырнадцатого века и на протяжении значительной части своей истории поддерживавшее, что примечательно, союзные отношения уже с монгольской державой Ильханов против общего мамлюкского противника, — ещё одно свидетельство того, сколь переменчивы и обусловлены ситуационной политической конъюнктурой, а не одной лишь религиозной принадлежностью, были отношения между христианскими и мусульманскими государствами того времени.

Глава тридцать пятая. Грузинское царство под властью Ильханов

1. Вассалитет вместо завоевания

В дополнение к уже рассказанной нами истории сельджукского завоевания Армении, стоит честно рассказать и о судьбе соседнего христианского Грузинского царства в эпоху уже монгольского, а затем ильханидского владычества на Кавказе, ибо здесь картина оказалась заметно иной. Грузинское царство, в отличие от Армянского Багратидского царства, к моменту монгольского нашествия в 1220–1230-х годах сохраняло собственную царскую династию и относительно крепкую государственность, что позволило ему, после первоначального военного сопротивления и подчинения, войти в состав монгольской державы, а затем и Ильханата, не как полностью уничтоженная территория, а как вассальное царство, сохранявшее собственных царей и значительную внутреннюю автономию в обмен на уплату дани и военную помощь монгольским походам.

Грузинские цари и князья, оставаясь христианами, тем не менее регулярно участвовали в военных предприятиях Ильханов, включая, по свидетельству персидских хронистов, и

в войнах против мамлюкского Египта, — грузинские конные отряды упоминаются в числе вспомогательных сил ильханидского войска в нескольких кампаниях, о которых мы рассказали в предыдущем томе применительно к битвам при Хомсе и Вади аль-Хазандаре.

2. Различие в судьбе двух христианских народов Кавказа

Мы обязаны, брат мой, честно отметить это различие в судьбах двух соседних христианских народов Кавказа под мусульманской властью: Армения, ослабленная ещё до сельджукского завоевания упразднением собственной государственности Византией, о чём мы рассказали в предыдущей главе, подверглась куда более разрушительному непосредственному завоеванию и включению в состав мусульманских держав без сохранения собственной династии, тогда как Грузия, сохранившая крепкую царскую власть, сумела договориться о вассальном, а не полностью подчинённом положении, что позволило ей пережить монгольскую эпоху со значительно меньшими территориальными и демографическими потерями.

Это сравнение, брат мой, важно для честного понимания всей нашей темы: судьба покорённых народов в эпоху монгольских завоеваний определялась не одной лишь их религиозной принадлежностью — оба народа были христианами, — а прежде всего конкретными военно-политическими обстоятельствами, силой их собственной государственности на момент завоевания и способностью их правителей договориться о приемлемых условиях подчинения, а вовсе не какой-либо особой религиозной враждой завоевателей именно

к христианству как таковому.

3. Позднейшая судьба Грузии

После распада единого Ильханата, о котором мы рассказали в предыдущих главах, Грузинское царство, воспользовавшись ослаблением центральной ильханидской власти, на некоторое время восстановило полную независимость, хотя впоследствии, уже в эпоху Тимура, вновь подверглось нескольким разорительным вторжениям тимуридского войска, а затем на протяжении последующих веков оказалось зажато между соперничеством Османской империи и сефевидской, а затем и каджарской шиитской Персии за влияние в этом регионе, — судьба, во многом характерная для небольших христианских государств Кавказа на протяжении почти всей последующей истории региона вплоть до Нового времени.

Глава сорок четвёртая.

До ислама: несторианские корни ханского рода

1. Сорхахтани-беки — христианская мать четырёх ханов

Прежде чем продолжить наш рассказ, полезно, брат мой, вернуться немного назад во времени и честно рассказать о религиозном фоне, предшествовавшем принятию ислама многими из уже описанных нами на страницах этого тома правителей, — ибо без понимания этого фона трудно в полной мере оценить, сколь значительным духовным поворотом стало для их потомков обращение к вере Пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует.

Сорхахтани-беки, происходившая из керейтского племени, исповедовавшего несторианское христианство ещё до появления самого Чингисхана, была женой его младшего сына Тулуя и матерью четырёх сыновей, каждый из которых сыграл огромную роль в дальнейшей истории монгольской державы: Мунке и Хубилай, правившие соответственно как великие каганы в Каракоруме и затем в Китае, Ариг-Буга, их

соперник за престол, и, наконец, сам Хулагу-хан, основатель Ильханата и разрушитель Багдада, о котором мы подробно рассказали в четвёртом томе этого труда.

2. Христианское воспитание завоевателя Багдада

Мы обязаны, брат мой, отметить примечательный и, возможно, неожиданный для читателя факт: сам Хулагу-хан, чьё войско разрушило Багдад и положило конец правлению Аббасидских халифов, был воспитан матерью-христианкой и на протяжении всей своей жизни сохранял благосклонность к христианству, а его любимая жена Докуз-хатун, о которой мы уже упоминали в четвёртом томе применительно к сравнительно мягкому обращению с христианским населением Багдада во время его разграбления, также была ревностной христианкой несторианского толка.

Это обстоятельство, брат мой, помогает нам лучше понять уже отмеченную нами в четвёртом томе веротерпимость первых Ильханов к христианскому населению покорённых земель и их первоначальную настороженность именно к исламу как вере покорённого большинства, — настороженность, которая, как мы подробно рассказали на страницах этого тома, была полностью преодолена лишь спустя три-четыре поколения, при Газан-хане, окончательно и искренне принявшем веру своих персидских и иракских подданных вместо веры своей собственной христианской прабабки.

3. Путь от несторианства к исламу

Мы видим на этом примере, брат мой, ещё одно поразительное свидетельство того провиденциального пути, что прошли потомки Чингисхана на протяжении описанной нами в этом и предыдущем томах истории: от языческих и отчасти христианских корней самого ханского рода через десятилетия колебаний между разными верами — тенгрианством, буддизмом, несторианством и исламом, о чём мы также рассказали применительно к ранней истории Золотой Орды, — к окончательному и глубокому усвоению ислама, ставшего для большинства потомков Чингисхана к середине четырнадцатого века уже не верой покорённых народов, а их собственной, искренне исповедуемой религией. Этот путь, брат мой, служит нам живым свидетельством того, сколь неисповедимы и порой удивительны бывают пути, которыми Всевышний ведёт целые народы и правящие роды к познанию истины, — от несторианской колыбели до минбара мечети, как мы видели на примере самого Газан-хана.

Глава восьмая. Газан-хан: подробности великого обращения

1. Путь к минбару

Мы уже рассказали в четвёртом томе этого труда о том, как в 1295 году Махмуд Газан-хан, правнук Хулагу, принял ислам, — но эта эпохальная перемена в судьбе Ильханата заслуживает более подробного рассказа. Газан, воспитанный в детстве в буддийской традиции при дворе своего деда Абаки, обратился в ислам ещё до своего восшествия на престол, приняв присягу от рук суфийского шейха Садр ад-Дина Ибрахима, сына знаменитого шейха Садр ад-Дина Хамуйе, и взяв себе мусульманское имя Махмуд.

Придя к власти в результате свержения своего дяди Байду, сам оставшегося мусульманином лишь формально и без искреннего убеждения, Газан-хан объявил ислам официальной религией всего Ильханата и повелел всей монгольской знати последовать его примеру под угрозой отстранения от должностей, — решение, встретившее, по свидетельству персидского историка и визира Рашид ад-Дина Фадлуллаха, которого мы уже упоминали в четвёртом томе, широкое одобрение среди преимущественно мусульманского оседлого насе-

ления Ирана и Ирака, составлявшего абсолютное большинство подданных державы.

2. Разрушение и восстановление храмов

Одним из первых деяний Газан-хана после провозглашения ислама государственной религией стало разрушение буддийских храмов и капищ, в изобилии построенных в Иране его предшественниками-язычниками, и обращение части этих сооружений либо в руины, либо в основания для новых мечетей, — деяние, которое современные историки архитектуры и религии оценивают неоднозначно: с одной стороны, это было актом утверждения единобожия на месте идолопоклонства, вполне соответствующим духу очищения веры; с другой — оно означало утрату немалого числа памятников буддийского искусства, существовавших в Иране на протяжении нескольких десятилетий монгольского владычества.

Одновременно Газан-хан щедро финансировал восстановление и украшение мечетей, медресе и суфийских обителей по всей державе, в частности в новой столице Тебризе, где по его повелению был возведён целый квартал религиозных и благотворительных учреждений, известный как Шанб-и Газан, включавший его собственную усыпальницу, — сооружение, к сожалению, не сохранившееся до наших дней, но подробно описанное современниками как одно из самых значительных архитектурных начинаний своего времени.

3. Реформы во благо подданных

Мы уже упоминали в четвёртом томе налоговые и административные реформы Газан-хана, но стоит добавить, что эти реформы были прямо мотивированы его новым, искренним пониманием исламской справедливости в управлении: он отменил ряд произвольных монгольских поборов, тяжким бременем ложившихся на крестьянское население, ввёл единую и предсказуемую систему налогообложения по нормам, близким к шариатским, и учредил специальные ведомства для рассмотрения жалоб подданных на злоупотребления местных чиновников — институт, напоминающий уже описанный нами в предыдущем томе сельджукский суд ма-залим.

Газан-хан скончался в 1304 году, процарствовав менее десяти лет, но успев за этот краткий срок заложить основы того подлинно исламского государства, каким Ильханат оставался и при его ближайших преемниках. Персидские хронисты его эпохи в один голос называют его одним из самых просвещённых и справедливых правителей своего времени — редкое единодушие для средневековых источников, обычно куда более разноречивых в оценках своих повелителей.

Глава сорок пятая. Бар Эбрей: христианский летописец монгольской Персии

1. Сирийский полимат при дворе Ильханов

Мы уже неоднократно ссылались на страницах этого труда на арабо-мусульманских хронистов как на главные источники наших сведений, следуя пожеланию читателя опираться прежде всего на исламскую традицию. Но честность историка требует, брат мой, упомянуть и о ценном свидетельстве иной религиозной традиции, помогающем сверить и дополнить мусульманские источники, — о труде Григория Бар Эбрея (известного также как Ибн аль-Ибри), выдающегося сирийского учёного-энциклопедиста, занимавшего пост мафриана (главы) Сирийской православной церкви в восточных областях при дворе самих Ильханов.

Бар Эбрей, живший в тринадцатом веке и лично общавшийся с Хулагу-ханом и его преемниками, оставил обширный исторический труд, охватывающий события от сотворения мира до его собственной эпохи, включая подробное,

хотя и написанное с христианской точки зрения, описание монгольских завоеваний, включая взятие Багдада в 1258 году, — свидетельство, во многом перекликающееся с уже использованными нами арабскими источниками, но добавляющее к ним ряд деталей, отсутствующих в мусульманской традиции, в частности касательно отношения монгольских властей к христианским общинам Ближнего Востока.

2. Ценность независимого свидетельства

Мы приводим этот источник, брат мой, следуя тому же принципу, что уже применяли в главе о падении Ани, где мы обращались наряду с арабскими хронистами и к армянскому свидетелю Аристакусу Ластивертци: честный историк не должен ограничиваться источниками одной лишь стороны, если желает восстановить наиболее полную и правдивую картину происходившего. Свидетельство Бар Эбрея, при всей его христианской перспективе, в целом подтверждает основную канву событий, известную нам из арабских и персидских мусульманских хроник, что само по себе служит дополнительным подтверждением достоверности этой канвы там, где независимые друг от друга источники разных религиозных традиций сходятся в существовании описываемых фактов.

Труд Бар Эбрея интересен ещё и тем, что его автор, будучи главой значительной христианской общины в самом сердце персидского Ильханата, застал и описал именно ту эпоху относительной веротерпимости первых, ещё не обратившихся в ислам Ильханов, о которой мы рассказали в предыдущей главе применительно к христианскому воспитанию самого Хулагу-хана, — эпоху, завершившуюся, как мы уже подробно описали, необратимым обращением державы к ис-

ламу при Газан-хане, уже после смерти самого Бар Эбрея в 1286 году.

3. Урок многоголосой истории

Мы должны, брат мой, ещё раз подчеркнуть тот принцип честной историографии, которого мы стараемся придерживаться на страницах всего этого труда: использование разноязычных и разноконфессиональных источников — мусульманских, христианских, а порой и буддийских или иных — не умаляет и не размывает нашего собственного суннитского взгляда на историю ислама, но, напротив, укрепляет его достоверность там, где независимые свидетели различных традиций сходятся в описании одних и тех же событий, и честно указывает на расхождения там, где таковые действительно существуют между источниками.

Глава девятая. Ульджайту: колебания между толками

1. Брат и преемник Газан-хана

После смерти Газан-хана в 1304 году престол Ильхана-та унаследовал его брат Ульджайту (Мухаммад Худабенде), правивший до 1316 года. Ульджайту продолжил в целом ту же политику покровительства исламу и оседлой персидской бюрократии, что и его брат, но его собственный религиозный путь оказался куда более извилистым и заслуживает отдельного честного рассказа, ибо здесь мы обязаны, следуя нашему принципу точности в определениях, чётко указать: значительную часть своего правления Ульджайту был не просто мусульманином вообще, а именно шиитом, и мы обязаны называть его так же прямо, как называем шиитскими Буидов или Фатимидов на страницах предыдущих томов.

По свидетельству персидских хронистов, в частности продолжателя труда Рашид ад-Дина, Ульджайту в юности был крещён в христианстве под именем Николай в честь папы римского Николая IV, по желанию своей матери-христианки, затем в отрочестве обратился в буддизм, а после воцарения принял ислам суннитского толка, первоначально следуя

ханафитскому, а затем шафиитскому мазхабу.

2. Обращение в шиизм

Однако около 1310 года, после того как Ульджайту стал свидетелем ожесточённого спора между ханафитскими и шафиитскими правоведами при своём дворе — спора, дошедшего, по некоторым сведениям, до взаимных публичных проклятий между улемами двух суннитских школ, — хан, разочарованный этим раздором среди самих суннитов, под влиянием шиитских богословов, в частности имевшего большое влияние при дворе Джамаль ад-Дина аль-Мутахара аль-Хилли, принял двунадесятеричный (иснашаритский) шиизм и повелел, чтобы имена двенадцати шиитских имамов поминались в пятничной хутбе по всему Ильханату наравне или вместо имён праведных халифов.

Это решение вызвало серьёзное недовольство среди суннитского большинства населения державы, а некоторые области, в частности Багдад, по свидетельству хронистов, ответили на указ о шиитской хутбе открытыми волнениями. Ульджайту, столкнувшись с этим сопротивлением, к концу своего правления несколько смягчил свою позицию, вернувшись к более примирительной политике по отношению к суннитскому большинству, хотя, по-видимому, оставался лично привержен шиитскому вероучению вплоть до своей смерти в 1316 году.

3. Султания — усыпальница шиитского хана

Главным зримым памятником правления Ульджайту остаётся до наших дней его грандиозный мавзолей в городе Султания, который он основал как новую столицу державы, — купольное сооружение, чей бирюзовый купол диаметром свыше двадцати пяти метров и высотой около пятидесяти метров остаётся одним из крупнейших кирпичных куполов в истории мировой архитектуры и внесён в наши дни в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. По одному из преданий, сам мавзолей первоначально задумывался как место упокоения останков имама Али и имама Хусейна, которые Ульджайту, в порыве шиитского благочестия, намеревался перенести из Наджафа и Кербелы в свою новую столицу, — план, от которого он, по-видимому, впоследствии отказался, так что сам хан в конечном счёте был похоронен в этом мавзолее один.

Мы обязаны, брат мой, отметить этот эпизод исторической шиитской принадлежности Ульджайту со всей прямотой, не смягчая и не замалчивая его, — именно так, как мы поступали применительно к Буидам и другим шиитским династиям на страницах предыдущих томов. Вместе с тем важно понимать: сын Ульджайту и его преемник Абу Саид, о котором мы расскажем в следующей главе, вернулся

к суннитскому вероисповеданию, так что шиитский период в истории собственно Ильханата, в отличие от куда более продолжительной шиитской традиции, что утвердится позднее в самом Иране при Сефевидах, оказался сравнительно кратким эпизодом, ограниченным личным выбором одного-единственного правителя.

Глава тридцать вторая. Мир 1323 года: конец полувековой войны

1. От войны к переговорам

Мы уже рассказали в предыдущем томе о десятилетиях войн между мамлюкским Египтом и Ильханатом, завершившихся решающей победой мамлюков при Марж ас-Суффаре в 1303 году. Стоит добавить, брат мой, что даже после этого поражения Ильханат не сразу отказался от идеи военного реванша, но постепенно, на протяжении последующих двух десятилетий, обе стороны пришли к пониманию бесперспективности дальнейшего продолжения этой изнурительной полувековой войны между двумя мусульманскими державами.

Именно при хане Абу Саиде, о котором мы рассказали в главе о распаде Ильханата, в 1323 году был наконец заключён официальный мирный договор между Ильханатом и мамлюкским султаном ан-Насиром Мухаммадом, формально положивший конец более чем полувековому состоянию войны, начавшемуся ещё при Хулагу-хане и Айн-Джалуте, о которых мы рассказали в четвёртом томе этого труда.

2. Символическое значение примирения

Этот мирный договор, брат мой, заслуживает особого внимания именно потому, что он был заключён уже между двумя однозначно и искренне мусульманскими державами — Ильханатом, принявшим ислам при Газан-хане, и мамлюкским султанатом, суннитским по вере с самого своего основания, — то есть представлял собой, в отличие от прежних десятилетий войны, подлинное примирение внутри уммы, а не просто временное перемирие между враждующими сторонами разной веры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.